

Приезжай, попьем вина, закусим хлебом.
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
И скажу, как называются созвездья.

* * *

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.

Поезжай на вороной своей кобыле
в дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену.

* * *

Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце,
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Понт шумит за черной изгородью пиний.
Что-то судно с ветром борется у мыса.
На рассохшейся скамейке - Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.

Март 1972 ~~1972~~

ТАМАРА БУКОВСКАЯ
(→ р. 1947←)

→ X X X

От Мойки-реки до Фонтанки
по Крюковке прямо иди...
Сначала Голландскую арку
на Мойке оставь позади.
Потом постепенно увидишь
два мостика, сад и собор,

и тоненький крест колокольни,
и стройки дощатый забор;
мост Ново-Никольский - постройки
великих строительных лет,
и гнилистный запах нестойкий
бульвара, и медленный свет
на тумбах старинной работы
граненых восьми фонарей.
Потом вдоль большой галереи,
где охра и мел пополам,
где сырости запах сильнее
во двор выдыхает подвал,
дойдешь до кирпичного дома,
где школа и тир ДОСААФ.

~~1~~-1967 /

~~х~~ х х→

Сначала шорохи и скрипы,
Потом чуть слышное дыханье,
Дверной петли глухие хрипы -
Всё к полуночи затихает.
Течение времени беззвучно,
Но ты не спишь и, значит, слышишь
Немую музыку созвучий
Небес, земли и мокрой крыши.
И эта музыка тревогой
Дрожит под сердцем и не стынет
Как упование на Бога,
Когда надежда нас покинет.
Есть только в музыке полночи
Забвенье боли неминучей.
Тогда душа не кровоточит,
Сомненьями себя не мучит.

~~1~~-1974 /

х х х

Не ты младенца учишь - он тебя -
Бесхитростной любви и веселью,
Пушинка в мире - человечье семя,
Не ты младенца учишь - он тебя.

Чтоб так смотреть - не ожидая зла, -
Какие сны должны являться ночью?
Добро должно быть видимо воочью,
Чтоб так смотреть - не ожидая зла.

Чтоб так смеяться - горя не тая, -
Какоё радостью должно быть сердце полно?
Невыразимой, плещущей как волны,
Чтоб так смеяться - горя не тая.

♣-1975 ♣

х х х

Никогда больше ветер лица твоего не коснется,
Никогда, никогда не растреплет волос.
Кто останется жить - и заснет, и проснется,
И не вспомнит, что было и оборвалось.
Дверь закроется в комнату, где сквозняком потревожен
В самом дальнем углу в паутине блестящей паук,
Не что нажил, а всё, что мучительно прожил,
Ты, как шарик воздушный, уже выпускаешь из рук.
Оглянуться бы только, в последний бы раз оглянуться,
В теплом сумраке то ~~ра~~аглядеть, что любил.
Теплой кафельной печки рукой мимолетно коснуться -
Печку в дестве топили, а ^{ка}цель еще не остыл.

♣ май 1978 ♣

х х х

Какой младенцу ночью сон приснится,
Какой туманный месяц еле виден,
Он так устал, что не успел проститься,
Уснул на полуслове и в обиде.

не печаль

Ах, если бы ему сейчас на волю -
Там снег глубок, там месяц еле светит,
Все, что вокруг, теперь большое поле,
И ветер там, и ветер, ветер, ветер...
Все кружится вокруг и леденеет,
А месяц молод так, что и не смеет
Поднять глаза и посмотреть, что сеет
Пурга на поле снежном. И хранит
Лихая ночь жестокие секреты,
И колокольчик дальний где-то, где-то,
И чуткий конь испуганно храпит.

Январь
1979

Из цикла "СОНЕТЫ К ДРУЗЬЯМ"

О, нет, мы не умрем, мы неуничтожимы!
В безумном почерке с наклоном и нажимом
Моя душа жива, твои надежды живы,
Жизнь рукотворная прекрасна и нежива.
Ее не тронет тлен и в прах не обратит,
Истлеет холст, бумага догорит -
Останутся слова, чтоб ими говорить,
И легкий воздух, чтобы в нем парить.
Не форма памяти, но память не умрет,
Школяр неловкий пусть с доски согрет
Начало и конец. История соврет,
Но истина чудесно оживет.
Покуда слово есть, душа еще живет,
Не дудочка, но сам тростник поет.

Январь
1979

х х х

Пока еще не страшно оглянуться -
Ты не один и можешь улыбнуться,
И чашка зазвенит, коснувшись блюда,
Так сладок сон, что силы нет проснуться.
Так нежен сон и живы все, кто рядом,
И воздух пьян и счастлив день нарядом,
Глазам не вынести сверкающего сада,
Открой глаза, не мучь себя, не надо.
Но сладок сон и все, кем дорожила,
Больны и счастливы и живы, живы, живы...
Поет шарманка детская - пружина
Вот-вот сорвется. Голову вскружило
Начало сказочки " Однажды жили-были".
Что было дальше? Спят под слоем пыли
Их фотографии, они ж давно уплыли
На утлой лодочке и драхму заплатили
За переправу. На груди сложили
Во сне им руки. И совсем чужие
Лежат они: " Однажды жили-были"..."

Март

~~03~~ 1979 #

х х х

Шутишь, балуешь или шалишь -
все затянуты в заговор этот:
сладкий дым петербургского лета
и Смоленского кладбища тишь.
Будь что будет! Пока догорит
над заливом белесое око,
тем и живы, что выйдет нам боком
все, что каждый из нас говорит.
Что Эллада! Там Лесбос и Крит.
Мы - на острове не именитом,
позаброшенном, полузабытом,
над которым стервятник парит.
И в горячем дыханье болот,
в жадном чмокании белого ила

слезы, кровь или праведный пот
ни цены не имеют, ни силы.
Только словом душа и жива,
сладкой болью несказанной ласки,
Кто смолчал, тот и предал огласке
многоточие тонкого шва.

Шутишь, балуешь или шалишь -
все затянуты в заговор этот:
сладкий дым петербургского лета
и Смоленского кладбища тишь.

августа
← 08/08/1980 #

х х х

Ну, покуражся еще, помордуй, матерясь, поори,
поозоруй на просторах азийских, Россия,
в пыточной камере горло ножом отвори
нехристю с именем жидо-масонским Мессия.
Месиво черное - и сукровица и кровь -
почва отечества, Есть чем гордиться-виниться.
Ночь начинается или кончается ночь,
померли все или похмельным так спится?
Тычут ли пальцем, а ты утыкаешься лбом
в красную стену вокзально-кирпичной укладки.
Больно тебе? Или стыдно тебе? На потом
все схорони, чтоб любить и лелеять украдкой.
К чертовой матери, к бесу и дьяволу в пасть,
в доску гнилую со всем, что ни есть, забуриться,
в тартарары ^{про}валиться, заехать, пропасть
легче и слаще, чем в стену ^{то попусту} ~~забираться~~ биться?!
Гнили опилочной, третьей возгонки слезы,
как молока материнского, жаждет живая утроба.
Литература - какой благородный позыв! -
сводит нутро: "На, твори, на, выдумывай, пробуй!"
Кто же расхлебывать будет супец ли, кулеш ли, кондер,
чьими руками уголья и жар разгребут и остудят?
Ну ты и скажешь, а тоже хвалился: "Хитер!"
Это когда еще нас-то, поди, и не будет!

августа
← 31/08/1980 #

х х х

В дикой злобе чухонских болот,
там, где клюква кровит и морошка,
гнуся язвит и досадная мошка,
всех-то радостей - вяжущий рот,
несъедобный, невызревший плод,
оправдание жизни недолгой
тех, кто выморен был и оболган
или в яме живых нечистот
шевелился и думал - живет.
Всех-то радостей - плод небывалый,
истекающий клюквенным, алым
соком прямо на наших глазах.
Где же публика с трепетным "Ах!"?
Коль жива, с пораженьем в правах.
Всех-то радостей - плод небольшой,
все, что было и есть за душой.
Не словесности нашей обнова,
но предсмертное, горькое слово,
раскаленного слова след.
И не гордость отечества. Нет.

Октябрь
1980

ИГОРЬ БУРИХИН
(р. 1944) →

→ КИЗ ЦИКЛА "У ЦЕРКВИ"

х х х

Начало упирается в конец,
как блудный сын в знакомые ворота.
Кому охота отдавать венец,
убив царя. И такова порода

вообще людей. Одни стяжают Дух.
Другие чем-то жертвуют Отчизне.
Ночь происходит в диалоге двух.
А Троица - для продолженья жизни.

Никто не верит просто в чудеса,
в грехопаденьи протирая вечность.
Творенье мира дится полчаса.
Итогом - смерть. И под чертою - вечность.

Таков исход, которого боюсь.
Россия ждет рассеяния. В корне
Иерусалима загнивает Русь.
Рабы наук пророчествам покорней.

И возвращаясь магией Руси
к огнепоклонству, и за все в ответе,
мы повторяем: свят, свят, свят еси -
да будет взрыв! И будем мы, как дети.

С минувшим веком снова не в ладу,
мы жаждем жизни будущего века.
Трепещет тварь. А мы горим в аду.
И Божий страх есть страх за человека.

Так выпив жидкость бытия на вес,
теперь мы чаем воскресенья мертвых!
В конце концов, желанье Бога есть
желанье Бога, - и свобода смертных.

Январь, 1976 /

ИЗ ЦИКЛА "ОБЛАКО В КОСТРЕ"

Вот и падает август с чужими астрами
- дева думает, что грешна -
под коронами звезд и костров напрасными.
И слава Богу, что не пришла!

Вот и отпускают меня любви
с их расположеньем ко мне астральным.
Думаю, глядя на них, о Боге,
очищаясь над ночными кострами.

Небо заволочило белыми облаками.

Гневные на них расширяя пятна,
ты наблюдаешь меня очами
полными звезд. И уже понятно -

это затяжные собираются в ночь дожди.

Я не успеваю закончить фразу.

И, высветив сердце мое до последней зги,
падает молния. И больно глазу.

Сентябрь
7 1976

← Физ Цикла "СЕМЬ ПЬЕС ДЛЯ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ" →

~~ж ж ж~~ 1

Над холмом твоего лба
громоздит гужевой небо
первозданные облака.
Ощущенье любви нелепо

выпадает за окном
в островерхих его оправах.
И веснушки твои огнем
пробегают на горных травах.

~~ж ж ж~~ 2

Вязнет песок и темнеют ели.
В облаке душно, как спать в постели
перед грозой. Запах тьмы и тлена.
Тело не хочет другого тела.
Возглас уroda во снах красавиц:
Я не хочу, чтоб меня касались.
Лучше уж крики, рыдания, роды.
Вон из окна, изо всей природы.
Вон из себя, как бежать из дома!
Благословенны раскаты грома.

⟨ 1977 ⟩